

Социальный потенциал регионов: анализ динамики в Узбекистане

Марина А. Шулимова

*Астраханский государственный технический университет
Астрахань, Россия, mshulimova@mail.ru*

Нурулла Б. Файзуллаев

*Ургенчский технологический университет Ранч
Ургенч, Узбекистан, nurullabek@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы понятия «социальный потенциал» и его структура, анализируются международные и национальные методы его оценки, а также изучается динамика социального потенциала регионов Узбекистана в 2015–2023 гг. На основе статистических данных и отчетов (Госкомстат, Всемирный банк, ПРООН) выявляются ключевые проблемы и предлагаются меры по усилению социального потенциала регионов. В данной статье авторы рассматривают теоретическую сущность и структурные компоненты понятия «социальный потенциал», включая демографический, образовательный, экономический и институциональный аспекты. На основе данных Госкомстата, Всемирного банка и ПРООН изучены динамика уровня бедности, показатели здравоохранения, образования и качества жизни в разрезе регионов. Особое внимание уделено межрегиональным диспропорциям, выявлены ключевые вызовы в слабо развитых областях, таких как Каракалпакстан и Ферганская долина. Представлены современные международные и национальные методики оценки (ИЧР, МИБ, ИЧК), а также направления политики по выравниванию условий жизни: развитие человеческого капитала, стимулирование занятости, усиление адресной поддержки и совершенствование мониторинга. Работа делает акцент на необходимости сбалансированного развития и институциональных реформ, способных обеспечить реализацию полного потенциала каждого региона и достижение целей устойчивого развития. Результаты исследования имеют практическое значение для органов государственной власти, исследователей и международных партнеров.

Ключевые слова: социальный потенциал, степень социальной сплоченности и активности, достойный уровень жизни, уровень развития человеческого капитала, масштабы бедности, качество образования, демографический рост

Для цитирования: Шулимова М.А., Файзуллаев Н.Б. Социальный потенциал регионов: анализ динамики в Узбекистане // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2025. № 3. С. 116–136. DOI: 10.28995/2782-2222-2025-3-116-136

Social potential of regions. Analysis of dynamics in Uzbekistan

Marina A. Shulimova

*Astrakhan State Technical University
Astrakhan, Russia, mshulimova@mail.ru*

Nurulla B. Fayzullaev

*Urgench Ranch Technological University
Urgench, Uzbekistan, nurullabek@mail.ru*

Abstract. The article considers the theoretical foundations of the “social potential” concept and its structure, analyzes international and national methods for its assessment, and studies the dynamics of the social potential of Uzbekistan’s regions in 2015–2023. Based on statistical data and reports (State Statistics Committee, World Bank, UNDP), it reveals key issues and proposes measures to strengthen the social potential of the regions. The authors consider the theoretical essence and structural components of the concept of “social potential”, including demographic, educational, economic, and institutional aspects. Based on data from the State Statistics Committee, the World Bank, and UNDP, they study the dynamics of poverty levels, healthcare, education, and quality of life indicators by region. Special attention was paid to interregional disparities, identifying key challenges in underdeveloped regions such as Karakalpakstan and the Fergana Valley. Modern international and national assessment methods (HDI, MPI, HCI), as well as policy directions for equalizing living conditions: human capital development, employment promotion, targeted support strengthening, and monitoring improvement, are presented. The work emphasizes the need for balanced development and institutional reforms that can ensure the full realization of each region’s potential and the achievement of sustainable development goals. The research results are of practical importance for government bodies, researchers, and international partners.

Keywords: social potential, the degree of social cohesion and activity, a decent standard of living, the level of human capital development, poverty scale, education quality, demographic growth

For citation: Shulimova, M.A. and Fayzullaev, N.B. (2025), “Social potential of regions. Analysis of dynamics in Uzbekistan”, *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 3, pp. 116–136, DOI: 10.28995/2782-2222-2025-3-116-136

Введение

Социальное развитие регионов – ключевой фактор устойчивого прогресса страны, определяющий качество жизни населения. В условиях Узбекистана, где демографический рост ускоряется (население Узбекистана превысило 37,5 млн человек к 2025 г.)¹, оценка *социального потенциала* регионов приобретает особую значимость. Под социальным потенциалом обычно понимают совокупную способность общества обеспечивать высокий уровень и качество жизни, используя собственные ресурсы развития. В последние годы в Узбекистане реализуются масштабные реформы, направленные на повышение благосостояния населения – заметно снизились масштабы бедности, улучшаются показатели здравоохранения и образования. Так, доля населения за чертой бедности по критериям Всемирного банка уменьшилась с 36% в 2015 г. до 17% в 2022 г.², а национальный уровень бедности сократился с 17% в 2021 г. до 11% в 2023 г.³ Одновременно индекс человеческого развития (ИЧР) Узбекистана вырос с 0,701 (2015) до 0,727 (2022) балла⁴, отразив положительную динамику в здравоохранении и образовании. Однако между регионами сохраняются значительные различия в социальном потенциале: столица и развитые области далеко опережают по большинству социальных индикаторов отстающие регионы.

¹Население Узбекистана превысило 37,5 миллиона человек. URL: <https://www.gazeta.uz/oz/2025/01/24/population-uz/> (дата обращения 24 января 2025).

²Charting Uzbekistan's path to poverty reduction: insights from international comparisons. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/charting-uzbekistan-s-path-to-poverty-reduction--insights-from-i#:~:text=drivers%20of%20poverty%20reduction> (дата обращения 30 мая 2025).

³Ibid.

⁴Uzbekistan – Human Development Index – HDI. URL: <https://countryeconomy.com/hdi/uzbekistan#:~:text=2018%200,675%20112%C2%BA> (дата обращения 30 мая 2025).

Понятие социального потенциала. В научной литературе социальный потенциал рассматривается как сложная интегральная характеристика общества. Так, согласно Т.Ф. Файзуллин,у,

...социальный потенциал региона определяется как органическое единство возможностей и способностей населения территориального образования, сформированное за счет использования собственных ресурсов социума, обеспечивающее достижение устойчивого социально-экономического развития, гарантирующее необходимый уровень и качество жизни [Файзуллин 2015, с. 191].

Иными словами, социальный потенциал – это совокупность всех человеческих и социальных ресурсов, которые могут быть мобилизованы для развития региона и повышения благосостояния людей. По мнению А.А. Буториной,

социальный потенциал – это совокупность взаимосвязанных элементов – актуального состояния социальной системы, имеющихся в ней ресурсов и перспективных направлений их использования в целях социального развития [Буторина 2014, с. 12].

Опираясь на деятельностный подход, М.А. Нугаев приводит определение понятия социальный потенциал – «это специфическую систему объективных и субъективных, материальных и нематериальных факторов, непосредственно детерминирующих социальную активность членов данного сообщества и обуславливающих возможности получения ими позитивно значимых результатов в различных сферах их жизнедеятельности – трудовой, социально-политической, духовной [Нугаев 2006, с. 119].

В отличие от экономического потенциала, фокусирующегося на материальных ресурсах и производстве, социальный потенциал акцентирует внимание на людских возможностях и условиях жизни населения⁵. Он отражает уровень развития человеческого капитала (знания, здоровье, навыки людей), степень социальной сплоченности и активности, качество социальных институтов (образование, здравоохранение, культура), а также способность общества к саморазвитию.

⁵ В чем разница между экономическим и социальным потенциалом региона? URL: https://ya.ru/neurum/c/ekonomika-i-finansi/q/v_chem_raznica_mezhdu_ekonomicheskim_i_socialnym_629e0d50#:~:text=1%202,3 (дата обращения 30 мая 2025).

Сегодня востребована оценка состояния территорий с позиции устойчивости, сбалансированности, социальной ориентации. Устойчивость предполагает длительность сохранения условий для воспроизводства потенциала территории (его социальной, природной, экологической, хозяйственной и др. составляющих). Сбалансированность означает особую для каждой региональной системы пропорцию характеристик, составляющих ее потенциал. Социальная ориентация включает оценку вектора и количественных параметров состояния социального потенциала территории.

С одной стороны, социальный потенциал можно определить как систему элементов, непосредственно определяющих социальную активность населения данного региона, а с другой стороны, как непосредственный показатель качества жизни населения: его здоровье и профессиональное долголетие, образование, профессионализм и др.

Вопросы комплексной оценки социального потенциала регионов рассмотрены в работах И.И. Норова, Д.М. Саидовой [Норов, Саидова 2019], А.К. Рахматова, У.А. Усманова [Рахматов, Усманов 2021], Ш.Ф. Абдурахмонова, Г.А. Ниязовой [Абдурахмонов, Ниязова 2020], С.Н. Найден [Найден 2020], А.Г. Аганбегян [Аганбегян 2018], М.А. Грицко [Грицко 2020], А.Г. Филипова, А.В. Еськова и А.В. Инзарцев [Филипова, Еськова, Инзарцев 2017]. Роль демографического потенциала в социальном развитии регионов, зависимость социального потенциала региона от демографических факторов изучены А.Ш. Курбановым [Курбанов 2022], а взаимосвязь социального потенциала и качества жизни – Ф. Мургашем, А. Тирпаковой [Murgaš, Tírpáková 2024]. Влияние социального потенциала и социального капитала на экономический рост и развитие общества исследовано такими учеными, как И. Даскалопулу, А. Каракициу [Daskalopoulou, Karakitsiou 2020], М. Марино, С. Монтресор, А. Фаджиан [Marino et al. 2025], Дж.М. Халстед, С.К. Деллер, К.М. Лейден [Halstead et al. 2022].

Структурные компоненты социального потенциала. Социальный потенциал носит системный характер и включает ряд взаимосвязанных компонентов. В структуре социального потенциала региона целесообразно выделить, по мнению исследователей, несколько ключевых элементов: демографический и трудовой потенциал населения, научно-образовательный потенциал, производственно-экономический потенциал, инновационный и организационный потенциал и др. [Файзуллин 2015, с. 192]. Демографический и трудовой потенциал определяется численностью населения, его возрастной структурой, уровнем образования и квалификации рабочей силы. Научно-образовательный компонент

отражает степень развития системы образования и науки, накопленные знания и умения людей. Производственно-экономические возможности (материально-техническая база, инфраструктура) образуют фундамент, на котором реализуется социальный потенциал, обеспечивая ресурсами сферу здравоохранения, образования и занятости. Инновационно-институциональный потенциал характеризует готовность общества к изменениям, эффективность социальных институтов, способность внедрять новые практики управления и технологии в социальной сфере⁶. Все компоненты находятся во взаимосвязи и динамическом равновесии: синергия различных составляющих усиливает совокупный социальный потенциал региона. Например, высокий уровень образования и здравоохранения (человеческий капитал) повышает производительность труда и инновационную активность, что в свою очередь улучшает экономические возможности для инвестиций в социальную сферу. Таким образом, социальный потенциал – многомерная категория, охватывающая одновременно человеческие ресурсы, условия и качество жизни, социальные отношения и институты, обеспечивающие прогресс общества.

Индикаторы ООН (ПРООН). В международной практике для сравнительной оценки «человеческого развития» и социального прогресса широко применяется Индекс человеческого развития (ИЧР), разрабатываемый Программой развития ООН. ИЧР является интегральным показателем, отражающим три основных измерения социального потенциала страны: продолжительность и здоровье жизни (ожидаемая *продолжительность жизни*), образованность (уровень грамотности, ожидаемая и средняя *продолжительность обучения*) и достойный уровень жизни (валовый *доход на душу населения* с поправкой на паритет покупательной способности). Значение индекса варьируется от 0 до 1; чем оно выше, тем больший социально-экономический прогресс достигнут. Узбекистан по классификации ПРООН относится к странам с высоким человеческим развитием: в 2021 г. ИЧР республики составил 0,721, а в 2022 г. – 0,727⁷, что соответствует 106-му месту из 191 страны. Для сравнения, в 2015 г. ИЧР Узбекистана был 0,701 (112-е место), таким образом за последние годы показатель улучшился. Рост

⁶Сущность и структура потенциала развития региона. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9620#:~:text=> (дата обращения 30 мая 2025).

⁷Uzbekistan – Human Development Index – HDI. URL: <https://countryeconomy.com/hdi/uzbekistan#:~:text=Date%20HDI%20HDI%20Ranking%202022,701%20112%C2%BA> (дата обращения 30 мая 2025).

ИЧР свидетельствует об увеличении *социального потенциала*: в частности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла с ~70,8 лет (2015) до 72,0 лет (2023)⁸, а уровень образования населения также неуклонно повышался. Помимо ИЧР, ООН оценивает социальные аспекты развития через Индекс гендерного неравенства (отражает положение женщин) и другие показатели Целей устойчивого развития (например, уровень бедности, доступ к чистой воде, санитарии, электрификации и др.). В последние годы ПРООН совместно с национальными учреждениями внедряет в Узбекистане *многоуровневые индексы бедности* и благополучия. Так, в 2023 г. опубликован пилотный многомерный индекс бедности (МИБ), учитывающий 12 индикаторов лишений (здравоохранение, образование, условия жизни и др.)⁹. Этот индекс дополняет традиционные измерения доходов, позволяя более полно оценить социальный потенциал и проблемы развития (см. раздел ниже об анализе регионов).

Методики Всемирного банка. Всемирный банк уделяет большое внимание человеческому капиталу как основному ресурсу развития. В 2018 г. ВБ ввел индекс человеческого капитала (ИЧК), измеряющий, какой объем человеческого потенциала сможет реализовать ребенок, родившийся сегодня, к моменту взросления (с учетом текущих условий здравоохранения и образования). Индекс выражается в долях от единицы: для Узбекистана значение ИЧК составило 0,62 (2020 г.)¹⁰, что означает – при сохраняющихся условиях дети вырастут лишь на 62% реализовав свой потенциал продуктивности (по сравнению с идеалом полной здравоохранения и образования). Данный показатель указывает на существенные резервы в повышении здоровья, качества образования и навыков населения. Другим ключевым направлением оценки является мониторинг бедности и общего благосостояния. Всемирный банк тра-

⁸ Ожидаемая продолжительность жизни в Узбекистане. 1950–2025 гг. URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/UZB/uzbekistan/life-expectancy#:~:text=2019%2071.63%200.140,2011%2069.78%200.320> (дата обращения 30 мая 2025).

⁹ Uzbekistan Pilot Multidimensional Poverty Index. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2024-03/en_Pilot%20MPI%20report%202023.pdf#:~:text=Table%201,age%20for%20whom%20there%20is (дата обращения 30 мая 2025).

¹⁰ Узбекистан UZ: Индекс человеческого капитала (ИЧК): Шкала 0-1. URL: <https://www.ceicdata.com/en/uzbekistan/human-capital-index/uz-human-capital-index-hci-scale-01#:~:text=2020%20,World%20Bank> (дата обращения 30 мая 2025).

традиционно использует *международные черты бедности*, рассчитанные в долларах по паритету покупательной способности. Для стран со средним достатком, к которым относится Узбекистан, применяется порог \$6,85 в день (в ценах 2017 г.). По этой методике доля бедного населения Узбекистана снизилась с 36% в 2015 г. до 17% в 2022 г.¹¹ – впечатляющее достижение, превышающее средние темпы сокращения бедности в регионе Европы и Центральной Азии. Вместе с тем по более строгой планке (уровень бедности для стран с доходом ниже среднего – \$3,65) в 2022 г. бедность составила лишь 5%, что отражает почти полную ликвидацию крайних форм нищеты. Всемирный банк также сотрудничает с Узбекистаном в совершенствовании национальной статистики: с 2017 г. страна перешла на международно-сопоставимые методики расчета индикаторов цен и благосостояния, в 2021 г. введена новая методика национальной черты бедности и поставлена цель *сократить бедность вдвое к 2026 г.*¹² Таким образом, инструментарий Всемирного банка для оценки социального потенциала охватывает как индексы развития человеческого капитала, так и показатели доходов и бедности населения, позволяющие отслеживать результаты социальных реформ.

Национальные статистические показатели (Госкомстат). В Узбекистане традиционно ведется широкий сбор статистических данных, характеризующих социальную сферу по регионам. Государственный комитет по статистике (ныне Агентство по статистике) регулярно публикует показатели демографии (численность населения, рождаемость, смертность), здравоохранения (ожидаемая продолжительность жизни, заболеваемость, обеспеченность врачами и больничными койками), образования (охват дошкольным воспитанием, показатели школьного и высшего образования, грамотность), рынка труда (уровень занятости и безработицы), жилищных условий и др. Однако в период до 2020 г. интегральная оценка социального потенциала затруднялась отсутствием единого национального критерия бедности и достатка. С 2021 г. при тех-

¹¹ Путь Узбекистана к сокращению бедности: выводы из международных сравнений. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/charting-uzbekistan-s-path-to-poverty-reduction--insights-from-i#:~:text=The%20poverty%20rate%20of%20Uzbekistan,percent%20during%20the%20same%20period> (дата обращения 30 мая 2025).

¹² Путь Узбекистана к сокращению бедности: выводы из международных сравнений. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/charting-uzbekistan-s-path-to-poverty-reduction--insights-from-i#:~:text=Uzbekistan%2C%20a%20lower,per%20day%20in%202017%20PPP> (дата обращения 30 мая 2025).

нической поддержке международных организаций в Узбекистане внедрена официальная *национальная черта бедности*, основанная на минимальном потребительском бюджете. Согласно этой методике, в 2021 г. уровень бедности составлял 17%, а к 2023 г. снизился до 11%, что эквивалентно выходу ~1,6 млн человек из бедности за два года. Помимо уровня доходов, национальная статистика все активнее ориентируется на индикаторы Целей устойчивого развития (ЦУР). Создан специализированный портал мониторинга ЦУР (nsdg.stat.uz¹³), где собираются данные по 17 целям – многие из них связаны с социальным потенциалом (ликвидация бедности и голода, здоровье, образование, гендерное равенство, чистая вода, достойная работа и др.). Таким образом, на национальном уровне формируется комплексная система отслеживания социального развития регионов, сочетающая традиционную статистику (по отраслям социальной сферы) с современными интегральными показателями (уровень бедности, выполнение ЦУР и пр.). В исследовательских целях узбекские ученые также рассчитывают составные индексы – например, индексы развития регионов или рейтинги регионов по качеству жизни – опираясь на множество показателей Госкомстата. Все эти инструменты направлены на выявление слабых мест и резервов роста социального потенциала в конкретных территориях.

Общенациональные тенденции. В период 2015–2023 гг. Узбекистан демонстрирует уверенный рост по ключевым социальным показателям. Как отмечалось, индекс человеческого развития увеличился с 0,701 до 0,727¹⁴, что отражает прогресс в образовании, здравоохранении и доходах. *Продолжительность жизни* выросла почти на 1,3 года – с 70,8 до 72,1 лет¹⁵, благодаря улучшению медицинского обслуживания и социально-экологической обстановки. К примеру, смертность детей младшего возраста и материнская смертность сократились (по данным Минздрава и ЮНИСЕФ), увеличилась обеспеченность населения врачами общей практики, расширена иммунизация детей. *Образовательный уровень* насе-

¹³ Агентство по статистике при Президенте РУз. Национальные показатели устойчивого развития: данные по Узбекистану. nsdg.stat.uz, 2023.

¹⁴ Узбекистан – Индекс развития человеческого потенциала – ИРЧП. URL: <https://countryeconomy.com/hdi/uzbekistan#:~:text=2018%200,675%20112%20%20BA> (дата обращения 30 мая 2025).

¹⁵ Ожидаемая продолжительность жизни в Узбекистане 1950–2025 гг. URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/UZB/uzbekistan/life-expectancy#:~:text=2019%2071.63%200.140,2011%2069.78%200.320> (дата обращения 30 мая 2025).

ния остается традиционно высоким: грамотность взрослого населения превышает 99%. Более того, реализованы программы по всеобщему охвату дошкольным образованием (доля детей, посещающих детские сады, выросла с ~27% в 2017 г. до 67% в 2021 г.¹⁶) и обновлены школьные учебные программы. Инвестиции в человеческий капитал принесли ощутимые плоды: по оценке Всемирного банка, повышение доходов населения (особенно рост заработной платы) обеспечило около 60% *снижения бедности* за последние годы. В целом уровень жизни существенно повысился: национальные опросы показывают рост обеспеченности семей бытовой техникой, автомобилей, улучшение жилищных условий. При этом сохраняется умеренный уровень неравенства (коэффициент Джини ~28–30), что свидетельствует о сравнительно равномерном распределении выгод роста среди населения.

Сокращение бедности и неравенства. Одним из наиболее значимых достижений рассматриваемого периода стало резкое уменьшение масштабов бедности. Если в середине 2010-х официальные оценки уровня бедности не публиковались напрямую, то косвенно около ~12–14% населения тогда имели доходы ниже условной национальной черты бедности (по старым расчетам). После перехода к новой методике обнародованы реальные цифры: 17% населения жили ниже национального уровня бедности в 2021 г., однако уже к 2023 г. показатель снизился до 11%. В абсолютном выражении это означает, что порядка 1,5–2 млн узбекистанцев преодолели черту бедности всего за два года. Международные оценки, как отмечалось, показывают еще более впечатляющий прогресс – по критерию \$6,85 в день бедность упала почти вдвое с 2015 по 2022 гг. Драйвером улучшений стал рост благосостояния сельского населения: снижение бедности в сельской местности на 8 процентных пунктов превосходило урбанизированные зоны (4 п. п.). Это частично объясняется активными мерами господдержки сельских территорий (программы «Обод кишлак», развитие инфраструктуры на селе), а также ростом доходов от трудовой миграции и предпринимательства на местах. Кроме того, государство значительно нарастило социальные трансферты: повышались пенсии и пособия, вводились новые адресные помощи малоимущим. В результате удельный вес социальных трансфертов в доходах домохозяйств

¹⁶ Путь Узбекистана к сокращению бедности: выводы из международных сравнений. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/charting-uzbekistan-s-path-to-poverty-reduction--insights-from-i#:~:text=This%20national%20welfare%20standard%20is,poverty%20between%202021%20and%202026> (дата обращения 30 мая 2025).

увеличился и внес существенный вклад (около 20%) в снижение бедности.

Региональная дифференциация социального потенциала. Несмотря на общие успехи, различия между регионами Узбекистана по уровню социального развития остаются заметными. Традиционно наиболее высокие показатели наблюдаются в г. Ташкенте – столице, которая концентрирует лучшие медицинские и образовательные учреждения, развитую экономику и инфраструктуру. Напротив, аграрные периферийные области (особенно в пустынных западных и густонаселенных ферганских регионах) испытывают нехватку ресурсов и отстают по ряду социальных критериев. Так, согласно пилотному *Многомерному индексу бедности* (МИБ) ПРООН, Республика Каракалпакстан (MPI = 0,136) и Наманганская область (0,127) имеют самые высокие уровни совокупных лишений среди населения, тогда как г. Ташкент (0,010) и Сырдарьинская область (0,056) – наименьшие. В Каракалпакстане почти 29,9% жителей находятся в состоянии многомерной бедности, в Наманганской области – 27,5%, тогда как в столице таких лишь 2,4%. Особенно остро в беднейших регионах стоят проблемы доступа к качественной питьевой воде, полноценному питанию, достойным санитарным условиям и занятости – эти аспекты значительно снижают социальный потенциал. Например, в Каракалпакстане свыше 15% домохозяйств испытывают нехватку продовольственной безопасности, 14–16% – страдают от безработицы и отсутствия санитарии. Для сравнения, в Ташкенте эти цифры в разы ниже. Монетарная бедность также наиболее высока в экологически неблагополучных и сельских областях: по данным Министерства занятости и сокращения бедности, в 2022 г. наибольший уровень бедности зафиксирован в Каракалпакстане (19,7%), Сырдарьинской (19,5%) и Хорезмской (19,1%) областях, тогда как в Ташкенте он составил лишь 8,5%, а в Навоийской области – 9,2%¹⁷. Эти факты указывают на сохраняющуюся асимметрию социально-экономического развития: центральные и ресурсно обеспеченные регионы (Ташкент, нефтегазоносная Навоийская обл., промышленный Каракалпакстан) имеют сравнительно выше доходы на душу и инвестиции в социальную сферу, тогда как отдаленные ферганские долины (Наманган, Андижан, Фергана) при высокой плотности населения испытывают дефицит рабочих мест и социальных услуг [Шулимова, Файзуллаев 2023, с. 180].

¹⁷ Uzbekistan Pilot Multidimensional Poverty Index. Report 2023. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2024-03/en_Pilot%20MPI%20report%202023.pdf#:~:text=78%2C757%20Tashkent%20region%200,7%2047%2C700 (дата обращения 30 мая 2025).

Анализ компонентов социального потенциала по регионам. Разложение социального потенциала на составляющие позволяет увидеть, в чем сильные и слабые стороны разных областей. *Демографический потенциал* весьма различается: наиболее населенные регионы – Ферганская долина (Андижанская, Ферганская, Наманганская обл.) – обладают избыточным трудовым потенциалом, молодым населением, но сталкиваются с проблемой обеспечения их рабочими местами. Напротив, в Навоийской области и г. Ташкент демографический потенциал ограничен (меньшая доля молодежи), но компенсируется высоким качеством рабочей силы и притоком квалифицированных мигрантов из других регионов. *Образовательный потенциал* наиболее высок в столице и Ташкентской области – здесь сосредоточено большинство вузов, научных центров, выше охват высшим образованием. В то же время в отдаленных районах (Сурхандарьинская, Кашкадарьинская обл.) наблюдается более низкий уровень образования среди молодежи и дефицит квалифицированных кадров (что подтверждается, например, более низкими результатами вступительных экзаменов и ЕНТ по регионам). *Здравоохранение и здоровье населения* также дифференцированы: ожидаемая продолжительность жизни в Ташкенте и Ферганской области превышает 73 года, тогда как в Каракалпакстане – около 70 лет (влияние экологического кризиса Приаралья). Обеспеченность врачами колеблется: от 45–50 врачей на 10 тыс. жителей в Ташкенте до менее 20 – в некоторых сельских областях. *Экономико-производственный потенциал* регионов, будучи компонентом социального потенциала, влияет на доходы населения и налогооблагаемую базу для социальных расходов. Так, высокопромышленные Навоийская и Ташкентская области имеют наибольший ВРП на душу, что позволяет инвестировать в местную инфраструктуру (больницы, школы), тогда как аграрно-ориентированные области с низким ВРП испытывают хроническую недоинвестированность в социальную сферу. Однако экономическая активность не всегда прямо коррелирует с социальными показателями: например, богатая сырьем Кашкадарьинская область все еще имеет высокий уровень бедности ~16,5%¹⁸, указывая на необходимость более равномерного распределения доходов и социальных инвестиций внутри региона.

В целом динамика 2015–2023 гг. показывает определенное *сглаживание межрегиональных диспропорций* по ряду индикаторов.

¹⁸ Uzbekistan Pilot Multidimensional Poverty Index. Report 2023. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2024-03/en_Pilot%20MPI%20report%202023.pdf#:~:text=R,1%20108%2C817 (дата обращения 30 мая 2025).

Например, отставание самых бедных областей по уровню доходов несколько сократилось благодаря адресным мерам и миграционным переводам. Улучшение транспортной инфраструктуры и коммуникаций позволило сельским жителям лучше интегрироваться в экономику (онлайн-торговля, удаленная занятость). Тем не менее разрыв остается значительным, и устойчивое развитие страны требует усиленного внимания к проблемным регионам.

Нерешенные проблемы. Анализ показывает, что главные препятствия на пути реализации полного социального потенциала некоторых регионов Узбекистана – это *неравномерность в доступе к качественным социальным услугам*, дефицит рабочих мест и инфраструктуры, а также последствия прошлых экологических и социально-экономических кризисов. В Каракалпакстане серьезной проблемой остается негативное влияние Аральской катастрофы на здоровье населения (высокая заболеваемость, особенно болезнями дыхательной системы и анемией) и на экономику (сокращение сельхозугодий, пастбищ) – все это снижает социальные возможности региона. В Ферганской долине – демографическое давление: высокая плотность населения при ограниченных земельных ресурсах ведет к трудовой миграции и «*утечке мозгов*» среди молодежи, что подрывает локальный социальный потенциал. В некоторых удаленных районах (горы Памира-Алая, пустынные районы) сохраняется проблема транспортной доступности: жители отдаленных кишлаков хуже охвачены образованием и медициной. Кросс-региональной проблемой является *качество образования*: хотя формальный охват школой близок к 100%, качество преподавания и материальная база сельских школ отстают от городских, что приводит к разрыву в успеваемости и дальнейшем неравенству при поступлении в вузы. Аналогично, в здравоохранении – *нехватка специалистов* в сельской местности, слабое оснащение ФАПов и районных больниц современным оборудованием. Еще один вызов – *создание продуктивной занятости*: официальная безработица находится на уровне ~9–10%, но скрытая безработица и неполная занятость выше в регионах с аграрной экономикой. Медленный рост рабочих мест (около 1,1% в год за последние 5 лет¹⁹ при 2%-ном приросте трудоспособного населения) приводит к тому, что не весь трудовой потенциал реализуется, особенно в отдаленных областях.

¹⁹ Всемирный банк в Узбекистане. URL: [https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/overview#:~:text=reformers%2C%20outperforming%](https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/overview#:~:text=reformers%2C%20outperforming%20) (дата обращения 30 мая 2025).

Кроме того, имеются институциональные проблемы, влияющие на социальный потенциал. До недавнего времени отсутствовала система комплексной оценки региональных программ развития по социальным результатам – акцент был на экономических показателях. Координация между секторами (образование, здравоохранение, социальная защита) на местном уровне не всегда эффективна, что мешает комплексно решать проблемы домохозяйств. Например, борьба с бедностью требует скоординированных действий: поддержки семей и одновременного обучения и трудоустройства их членов. Еще одна проблема – ограниченность бюджетных ресурсов некоторых хокимиятов: местные бюджеты в бедных районах невелики, и без трансфертов из центра им сложно финансировать социальные проекты.

Рекомендации и направления развития. Для усиления социального потенциала регионов Узбекистана необходима целенаправленная политика выравнивания и инвестиций в человеческий капитал, особенно в отстающих областях. Ниже предлагаются основные направления (рис. 1).

Рис. 1. Основные направления развития региональных возможностей Узбекистана²⁰

²⁰ Составлено авторами.

Адресные инвестиции в образование и здравоохранение в регионах с низкими показателями. Требуется дальнейшее улучшение качества сельских школ (переподготовка учителей, мотивация молодых кадров работать в селе, оснащение цифровыми технологиями) и развитие учреждений профессионального обучения под нужды локальной экономики. В сфере здравоохранения – реализация принципа «выравнивания» доступа: строительство современных районных медцентров, расширение практики выездных клиник и телемедицины для отдаленных населенных пунктов. Государственная программа развития села должна включать компоненты повышения квалификации сельских врачей и учителей посредством обмена опытом с ведущими центрами (например, стажировки педагогов из провинций в лучших гимназиях Ташкента и др.). Инвестиции в человеческий капитал наиболее эффективно повышают социальный потенциал на длительную перспективу.

Создание рабочих мест и стимулирование местного предпринимательства. Как подчеркнуто Всемирным банком, необходимо ускорить создание рабочих мест, особенно с учетом ежегодного прироста трудоспособного населения ~250 тыс. человек²¹. Для этого важно развивать промышленность и услуги в регионах. Рекомендуются усилить поддержку малого и среднего бизнеса через программы микрокредитования, обучение предпринимательству (особенно для молодежи и женщин в сельской местности). Специальные экономические зоны и парки (уже создаваемые в некоторых областях) следует ориентировать на трудоизбыточные регионы для локального трудоустройства. Кроме того, инфраструктурные проекты (дороги, водоснабжение, ирригация) не только улучшают условия жизни, но и дают временную занятость и стимулируют местную экономику. Приток инвестиций и появление новых предприятий повысит экономический потенциал регионов, что, по цепочке, укрепит и социальный – за счет роста доходов населения и расширения налогооблагаемой базы для социальных расходов [Файзуллаев, Шулимова 2023, с. 919].

Усиление адресной социальной поддержки и развитие человеческого потенциала уязвимых групп. Несмотря на снижение бедности, около 11% населения (2023) все еще живут за ее чертой, притом сконцентрированы они в определенных районах. Нужно продолжить практику адресных пособий малоимущим семьям, расширить программы “*Cash for work*” (оплата общественных работ) в сельской местности. Особое внимание – многодетным и малообеспеченным семьям в бедных

²¹ Всемирный банк в Узбекистане. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/overview#:~:text=reformers%2C%20outperforming%20> (дата обращения 30 мая 2025).

регионах: помощь должна сочетаться с обучением (например, курсы для взрослых – предпринимательские навыки, агротехника) и мерами по развитию детей (доступ к дошкольному образованию, питанию). Важна и *гендерная* компонента: стимулирование занятости женщин (через надомный труд, кооперативы, доступные кредиты) в сельских областях не только улучшит их положение, но и позитивно скажется на благополучии детей, образовании и здоровье в семье, повышая тем самым суммарный социальный потенциал.

Совершенствование управления и обмен лучшими практиками между регионами. Необходимо внедрять механизмы межрегионального сотрудничества: более развитые регионы (например, город Ташкент) могут шефствовать над отстающими в части методической помощи школам, больницам, подготовки управленческих кадров. Следует развивать *систему индикаторов и рейтингов регионов* по качеству жизни, публично отображать результаты (например, «социальный индекс регионов» ежегодно). Это повысит прозрачность и конкурентность, побуждая местные власти активнее работать над проблемами. Положительным шагом стало создание Агентства по развитию махалли и семьи – через его проекты можно адресно решать локальные социальные проблемы, мобилизуя самих жителей (что увеличивает социальную активность – компонент социального потенциала). Продолжение реформ децентрализации и укрепление бюджетов местных органов позволит более гибко реагировать на потребности населения на местах.

Мониторинг и аналитика для управления социальным потенциалом. Важно наладить постоянный мониторинг не только экономических, но и социальных индикаторов в региональном разрезе. Расширение участия Узбекистана в международных исследованиях (PISA – для оценки образования, ВОЗ – для оценки здоровья, Gallup World Poll – для оценки субъективного благополучия и социальной вовлеченности) поможет объективно измерять прогресс. На национальном уровне рекомендуется интегрировать выборочные обследования домохозяйств (обследование доходов и расходов, новое обследование бедности) с показателями многомерной оценки – как отмечают эксперты ПРООН, включение анкеты MPI (Multidimensional Poverty Index (многомерной индекс бедности)) в обследование домохозяйств позволит регулярно рассчитывать национальный MPI²². Это даст

²² Uzbekistan Pilot Multidimensional Poverty Index Report 2023. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2024-03/en_Pilot%20MPI%20report%202023.pdf#:~:text=%E2%80%A2%20%20%20%20,proportion%20of%20multidimensional%20poor%20adults (дата обращения 30 мая 2025).

целостную картину социальных лишений по регионам и облегчит принятие решений по приоритетам инвестиций. Кроме того, следует проводить регулярные социологические опросы по удовлетворенности населения качеством услуг в разных областях – голос жителей поможет выявлять узкие места (например, доступность лекарств, работа общественного транспорта, безопасность и т. д.).

В основе всех предложений лежит идея сбалансированного развития: укрепление социального потенциала слабых регионов выгодно для страны в целом, так как раскрывает новые трудовые ресурсы, снижает нагрузку на крупные города за счет сдерживания оттока населения, создает предпосылки для стабильного роста без острых диспропорций. Как указано в Национальной стратегии развития на период до 2030 г., одним из приоритетов является «обеспечение благополучия населения через устойчивый рост и развитие человеческого капитала»²³. Достижение этой цели потребует последовательной реализации перечисленных мер при поддержке международных партнеров (Всемирного банка, ООН, АБР и др.), уже оказывающих методическую и финансовую помощь для социальных проектов.

Заключение

Социальный потенциал регионов – фундаментальная основа прогресса Узбекистана, определяющая его долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность. В 2015–2023 гг. стране удалось добиться значительного улучшения социально-экономических условий жизни населения: снизить бедность до исторического минимума, увеличить продолжительность жизни, укрепить человеческий капитал. Эти позитивные изменения отражаются в росте интегральных показателей (ИЧР, индексы бедности) и подтверждаются статистикой. В то же время анализ выявил сохраняющиеся диспропорции между регионами – разрыв в уровне жизни и доступе к благам цивилизации. Теоретическое осмысление понятия «социальный потенциал» показывает, что это многогранная категория, объединяющая демографические, образовательные, экономические и иные возможности общества. Для полной реализации этих возможностей необходим комплексный подход: не

²³ Всемирный банк в Узбекистане. <https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/overview#:~:text=In%202023%2C%20Uzbekistan%20adopted%20the,a%20focus%20on%20people%E2%80%99s%20needs> (дата обращения 30 мая 2025).

только экономический рост, но и целенаправленное развитие человеческого потенциала, социальных институтов, инфраструктуры. Международный опыт (практики Всемирного банка, ПРООН) предоставляет Узбекистану полезные индикаторы и методики, позволяющие измерять прогресс и выявлять проблемные зоны – будь то через показатели человеческого развития, индексы бедности или индекс человеческого капитала. Национальная статистическая система динамично развивается, все больше фокусируясь на измерении качества жизни и устойчивого развития. Повышение социального потенциала регионов Узбекистана – задача сложная, требующая значительных инвестиций и управленческих инноваций. Однако она приносит прямые выгоды: сокращение бедности и неравенства способствует социальной стабильности; образованное и здоровое население создает базу для экономических прорывов и инноваций; высокое качество жизни предотвращает отток трудовых ресурсов за рубеж и стимулирует приток инвестиций. Таким образом, вложения в социальный потенциал – это вложения в будущее страны. Рекомендации, изложенные в статье, включают адресные меры по поддержке отстающих регионов, развитию образования, здравоохранения и занятости, а также укрепление институтов и мониторинга. Их реализация, подкрепленная политической волей и партнерством с международными организациями, позволит выровнять условия жизни во всех частях страны и обеспечить гармоничное развитие Узбекистана. Как следствие, каждый регион сможет в полной мере раскрыть свой социальный потенциал, а суммарно это усилит потенциал всего государства в достижении целей устойчивого развития и построении благополучного общества.

Литература

- Абдурахмонов, Ниязова 2020 – *Абдурахмонов Ш.Ф., Ниёзова Г.А.* Ўзбекистон минтақалари ижтимоий салоҳиятини комплекс баҳолаш // *Economic Bulletin*. 2020. № 3. Б. 69–73
- Аганбегян 2018 – *Аганбегян А.Г.* 25 лет новой России. Экономический и социальный уровень: топтание на месте // *Экономические стратегии*. 2018. Т. 20. № 1 (151). С. 6–21.
- Буторина 2014 – *Буторина А.А.* Социальный потенциал региона: понятие и структура // *Вестник социально-политических наук*. 2014. № 13. С. 12–14.
- Грицко 2020 – *Грицко М.А.* Человеческий потенциал «нового» Дальнего Востока // *Регионалистика*. 2020. Т. 7. № 1. С. 5–19. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.1.5>.

- Daskalopoulou, Karakitsiou 2020 – *Daskalopoulou I., Karakitsiou A.* Regional social capital and economic growth: Evidence from Greece // Sustainability. 2020. № 12 (15). Article 6037. URL: <https://doi.org/10.3390/su12156037>.
- Курбанов 2022 – *Курбанов А.Ш.* Худудларни ижтимоий ривожлантиришда демо-график салоҳиятнинг ўрни. Тошкент: Иқтисодиёт ва таълим, 2022. 112 б. ISBN 978-9943-7654-11-6.
- Marino et al. 2025 – *Marino M., Montresor S., Faggian A.* Social capital and regional innovation in the aftermath of crisis: Evidence from Italian provinces // The Annals of Regional Science. 2025. URL: <https://doi.org/10.1007/s00168-024-01352-4>.
- Murgaš, Tirpáková 2024 – *Murgaš F., Tirpáková A.* Impact of regional disparities in social capital on quality of life // Sustainability. 2024. № 16 (22). Article 10045. URL: <https://doi.org/10.3390/su162210045>.
- Найден 2020 – *Найден С.Н.* Социальный потенциал регионов Дальнего Востока: пространственный разрыв // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 66–83. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.66>.
- Норов, Саидова 2019 – *Норов И.И., Саидова Д.М.* Худудларнинг ижтимоий салоҳиятини баҳолашнинг назарий асослари // Ижтимоий тадқиқотлар. 2019. № 1. Б. 89–91
- Нугаев 2006 – *Нугаев М.А.* Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона. Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. 182 с.
- Рахматов, Усманов 2021 – *Рахматов А.Қ., Усманов У.А.* Ўзбекистонда худудларнинг ижтимоий-иқтисодий салоҳиятини баҳолаш мезонлари // Иқтисодий фанлар ахборотномаси. 2021. № 1 (75). Б. 45–52.
- Файзуллаев, Шулимова 2023 – *Файзуллаев Н.Б., Шулимова М.А.* Совершенствование методики оценки уровня цифрового развития регионов в условиях цифровизации экономики // 67-я Междунар. науч. конф. Астраханского гос. технического ун-та. Астрахань, 2023. С. 916–921.
- Файзуллин 2015 – *Файзуллин Т.Ф.* Определение сущности и содержания социального потенциала региона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. I. С. 191–194.
- Филипова, Еськова, Инзарцев 2017 – *Филипова А.Г., Еськова А.В., Инзарцев А.В.* Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа // Регионология. 2017. № 3. С. 438–455. URL: <http://regionsar.ru>
- Шулимова, Файзуллаев 2023 – *Шулимова М.А., Файзуллаев Н.Б.* Методические подходы к разработке классификационных показателей оценки инвестиционной привлекательности региона // Региональные экономические системы: современное состояние, угрозы и тенденции развития: Материалы Междунар. науч. конф. Астрахань, 2023. С. 178–181.
- Halstead et al. 2022 – *Halstead J.M., Deller S.C., Leyden K.M.* Social Capital and Community Development: Where Do We Go from Here? // Community Development. 2022. № 53 (1). P. 1–17. DOI: 10.1080/15575330.2021.1943696.

References

- Abdurahmonov, Sh.F. and Niyazova G.A. (2020), "Comprehensive assessment of the social potential of the regions of Uzbekistan", *Economic Bulletin*, no. 3, pp. 69–73.
- Aganbegyan, A.G. (2018), "25 Years of New Russia. Economic and Social Level. Marking Time", *Economic Strategies*, no. 1 (151), pp. 6–21.
- Butorina, A.A. (2014), "Regional Social Potential. Concept and Structure", *Bulletin of Socio-Political Sciences*, no. 13, pp. 12–14.
- Daskalopoulou, I. and Karakitsiou, A. (2020), "Regional social capital and economic growth. Evidence from Greece", *Sustainability*, no. 12 (15), article 6037, <https://doi.org/10.3390/su12156037/>
- Fayzullaev, N.B. and Shulimova, M.A. (2023), "Improving the methodology for assessing regional digital development levels in the context of economic digitalization", in *Proceedings of the 67th International Scientific Conference of Astrakhan State Technical University*, Astrakhan, pp. 916–921.
- Fayzullin, T.F. (2015), "Determination of essence and content of region social potential", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 6 (56), part 1, pp. 191–194.
- Filipova, A.G., Eskova, A.V. and Inzartsev, A.V. (2017), "Social potential of a region. Experience in using cluster analysis", *Regionology*, no. 3, pp. 438–455, available at: <http://regionsar.ru>
- Gritsko, M.A. (2020), "The Human Potential of the "New" Far East", *Regionalistika*, vol. 7, no. 1, pp. 5–19, URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2020.1.5>.
- Halstead, J.M., Deller, S.C. and Leyden, K.M. (2022), "Social Capital and Community Development: Where Do We Go from Here?" *Community Development*, no. 53 (1), pp. 1–17, DOI: 10.1080/15575330.2021.1943696.
- Kurbanov, A.Sh. (2022), "The role of demographic potential in the social development of regions. Tashkent", *Economy and Education*, ISBN 978-9943-7654-11-6.
- Marino, M., Montresor, S. and Faggian, A. (2025), "Social capital and regional innovation in the aftermath of crisis: Evidence from Italian provinces", *The Annals of Regional Science*. URL: <https://doi.org/10.1007/s00168-024-01352-4>.
- Murgaš, F. and Tirpáková, A. (2024), "Impact of regional disparities in social capital on quality of life", *Sustainability*, no. 16 (22), article 10045, <https://doi.org/10.3390/su162210045>.
- Naiden, S.N. (2020), "The Social Potential of the Far East Regions. A Spatial Gap", *Regionalistika*, vol. 7, no. 6, pp. 66–83, <https://doi.org/10.14530/reg.2020.6.66>.
- Norov, I.I. and Saidova, D.M. (2019), "Theoretical Foundations for Evaluating the Social Potential of Regions", *Social Studies*, no. 1, pp. 89–91.
- Nugaev, M.A. (2006), *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya kachestva sotsial'nogo potentsiala regiona* [Theoretical and methodological foundations for studying the quality of a region's social potential], Izd-vo Kazanskogo universiteta, Kazan, Russia.

- Rakhmatov, A.Q. and Usmanov, U.A. (2021), "Criteria for assessing the socio-economic potential of regions in Uzbekistan", *Bulletin of Economic Sciences*, no. 1 (75), pp. 45–52.
- Shulimova, M.A. and Fayzullaev, N.B. (2023), "Methodological approaches to the development of classification indicators for assessing the investment attractiveness of the region", *Regional Economic Systems. Current State, Threats, and Development Trends: Proceedings of the International Scientific Conference*, Astrakhan, pp. 178–181.

Информация об авторах

Марина А. Шулимова, кандидат экономических наук, доцент, Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия; 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, д. 16/1; mshulimova@mail.ru

Нурулла Б. Файзуллаев, PhD, доцент, Ургенчский технологический университет Ранч, Хорезм, Узбекистан; 220100, Узбекистан, Ургенч, ул. Ханкинская, д. 26; nurullabek@mail.ru

Information about the authors

Marina A. Shulimova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia; bld. 16/1, Tatishchev Street, Astrakhan, Russia, 414056; mshulimova@mail.ru

Nurulla B. Fayzullaev, PhD, associate professor, Urgench Ranch Technological University, Khorezm, Uzbekistan; bld. 26, Khankinskaya Street, Urgench, Uzbekistan, 220100; nurullabek@mail.ru